

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 1

Д. А. Филин

ЛИЧНОСТЬ СОКРАТА В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Данная статья посвящена проблеме использования античного философского наследия в христианской патристике. Автор обращается к одной из самых значимых фигур древнегреческой философии – Сократу и анализирует отношение к нему отцов и учителей христианской церкви.

Ключевые слова: история христианской церкви, патристика, древнегреческая философия, Сократ, святоотеческая традиция, Иустин Философ, Климент Александрийский, Иоанн Златоуст.

D. A. Filin

THE PERSONALITY OF SOCRATES IN THE PATRISTIC TRADITION

The Antique philosophy is an integral part of the Byzantine and Western European cultural heritage. At the same time, the attitude of Christian theologians to the ancient philosophers is ambiguous. In this sense, the greatest research interest is the figure of ancient Greek philosopher Socrates. Opinion of all Christian authors of Socrates can be divided into three groups: the first group are those who thought of Socrates as “a Christian to Christ”. These are Justin the Philosopher and Clement of Alexandria. The second group are great Cappadocians and Augustine. They are less admired by Socrates and pragmatically urged to take all decent Christians his life and philosophy, and cast it aside. The third group are those who deny the usefulness of pagan philosophy to Christianity. These include John Chrysostom, stressing the idolatry of Socrates. Socrates appears on the fields of patristic literature in the II-nd century and soon became the favorite character from the philosophers. This was due to several reasons. First, the proponents unlike the “men of the apostles” were widely educated scientists. Therefore, they are the first to wonder about the possibilities of ideological convergence of Christianity and ancient culture. Secondly, the early Christian writers defended Christianity, against the pagan emperors, why it was important to stress the superiority of the new religion before paganism. Finally, Socrates their lives and partly ideas, his martyrdom reminded Christians of the first centuries, therefore, it becomes “their” in the Christian camp, “ally” in the struggle with paganism. Actually Christian philosophy is born largely thanks to the ideas of the ancient Greek thinkers. In turn, Socrates, stating that virtue is knowledge, becomes a figure, bringing ancient Greek philosophy and Christian religion. In this way Justin the Philosopher and Clement of Alexandria say about the famous philosopher. Justin the Philosopher even proclaims Socrates Christian. Historically, Socrates was a figure more complicated and ambiguous. In turn, this raises other points of view of the Holy fathers on the teachings of the ancient Greek philosopher. An example of the “Golden mean” in relation to the ancient heritage and personality of Socrates, in particular, is the position of the great Cappadocians, considering him the first major representative of moral philosophy among the Greeks. John Chrysostom expresses definitely a negative point of view on Socrates and the entire ancient Greek philosophy, resisting in this sense, the opinion of apologists. Such a view on the ancient philosophy and its representatives could be called unhistorical. At the same time, this diversity of opinions in the patristic tradition against Socrates testifies to the topicality of its ideas for Christian authors of the II–V centuries ad.

Keywords: history of the Christian Church, the Church fathers, ancient Greek philosophy, Socrates, patristic tradition, Justin Martyr, Clement of Alexandria, John Chrysostom.

Сократ, пожалуй, самая интересная личность в истории древнегреческой философии. Отношение к Сократу Отцов и Учителей Церкви отражает их отношение к этой философии в целом. Здесь перед нами полный разброс мнений. Всех христианских авторов можно разделить на три группы: первая – те,

кто считал Сократа «христианином до Христа». Это Иустин Философ и Климент Александрийский. Вторая – великие каппадокийцы и Августин. Они меньше восхищались Сократом и прагматично призывали брать все приличное христианам из его жизни и философии, а иное – отбрасывать в сторону. Третья – те, кто отрицал полезность языческой философии для христианства. К ним следует отнести Иоанна Златоуста, подчеркивающего идолопоклонство Сократа.

Первым христианским автором, упоминающим Сократа, был Иустин Философ (ум. в 60-е годы II века). Пик «патристической сократианы» приходится на II–III века, IV–V века – ее относительный спад, а последующее время (до эпохи «Македонского ренессанса») – «затишье». В 529 году Юстиниан Великий закрывает Академию в Афинах, потом анафемствует оригенизм, чем «провоцирует» наступление Средневековья в жизни и мысли. Сократ появляется на полях патристической литературы во II веке и сразу становится ее любимым персонажем из философов. Это обусловлено рядом причин:

Апологеты, в отличие от «мужей апостольских», были людьми учеными, широко светски образованными, поэтому перед ними первыми встал вопрос: как сблизить их главные мировоззренческие составляющие – христианство и античную культуру. Отсюда рождается синтез того и другого – христианская философия.

Апологеты защищали христианство перед лицом языческих императоров, поэтому им важно было подчеркнуть, что христианство не противоречит всему доброму, что было в языческом мире, а превосходит во всем этом язычество, является, так сказать, «полной мерой» его добродетели: «все, что сказано кем-нибудь хорошего, принадлежит нам – христианам», – не сомневался святой Иустин [10, с. 119].

Сократ своей жизнью и отчасти мыслью, своей мученической кончиной напоминал христиан первых веков, поэтому он становится «своим» в христианском лагере, «союзником» в борьбе с язычеством.

Действительно, Сократ принял мученическую смерть за отрицание богов и за нравственное воспитание людей, точнее – его обвинили, как известно, в безбожии и растлении молодежи. Однако в том же самом обвиняли и первых христиан: в отрицании отеческих богов и эдиповом разврате (развращенные язычники и не могли себе представить, что на христианских агапах можно заниматься чем-то иным!). Апологеты и Климент верили, что Сократ действительно был монотеистом. Так в «Апологии» он обращается только к Богу, а про богов говорит не напрямую, а косвенно: «Если я признаю божественные знамения, то мне уже никак невозможно не признавать гениев», если же «гении вроде как побочные дети богов, от нимф или каких-то еще существ, как это принято думать, то какой же человек, признавая божьих детей, не будет признавать богов?» [16, с. 31]. И тех и других в патристической традиции отождествляли с ангельскими существами [10, с. 35]. То, что Сократ все-таки обращался и к отеческим богам, объяснялось христианскими авторами так: Платон и Ксенофонт боялись яда цикуты и поэтому писали о монотеизме учителя не явно, а прикровенно [10, с. 424; 11, с. 104]. Самоубийство Сократа – вынужденное, смысл его в том, чтобы сохранить благочестие и оправдаться перед Богом. Подобных христиане называли «святые самоубийцы» и считали их мучениками. Также афинского мудреца с христианами сближало то, что он был бессеребренником, который всю жизнь искал истину. «Похоже ли на что-нибудь человеческое, что я забросил все свои собственные дела и сколько уже лет терпеливо переносу упадок домашнего хозяйства, а вашим делом занимаюсь всегда, обращаясь к каждому частным образом, как отец или старший брат, убеждая заботиться о добродетели», – говорит сын Сафрониска судьям [16, с. 35]. Богатство и знатность, полагал он, приносят лишь дурное [5, с. 102]. Все видели, что Сократ беден, одевается как попало, ходит босиком. Софист Антифонт упрекал честного, но не умного, в его глазах, Сократа за то, что жил он так, что даже ни один раб при таком образе жизни не остался бы у своего господина: «Еда у тебя и питье самые скверные, – выговаривал он ему, – гиматий ты носишь не только скверный, но один и тот же летом и зимой; ходишь ты всегда босой и без хитона. Денег ты не берешь, а они – доставляют радость, когда их приобретаешь, а когда владеешь ими, дают возможность жить и приличнее, и приятнее». Антифонт полагал, что, внушая ученикам подражать своему злополучию, Сократ и был учителем злополучия [12, с. 32]. Сам автор «Воспоминаний о Сократе» подчеркивает: учитель полагал, что не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные – значит быть близким к божеству, то есть к совершенству [12, с. 32].

Следует подчеркнуть, что Сократ был очень вынослив и мужественен (см. [17, с. 130–132]). При этом он «не противился злему». Так как «в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это не противясь: однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» [5, с. 99–100]. Василий Великий с похвалой отзываясь о поступке Сократа, когда тот, избитый пьяным, не сопротивлялся, а только «как на статуе пишут имя художника, написал на лбу: “делал такой-то” и тем отомстил». Святитель подчеркнул, что это сходно с тем, что Христос говорит в Нагорной проповеди (Мф 5, 39; [1, с. 354–355]).

Таким образом, в личности Сократа, его учении было немало такого, за что христианские авторы II–III веков считали его «своим». Из них для нашей темы наиболее важны – Иустин Философ и Климент Александрийский. Для них христианская философия – «святое занятие», синтез всего лучшего, что каждая из школ говорит о справедливом и благочестивом знании. Подобно вакханкам, эти школы «разорвали нового Пентея (истину), и полученной частью каждая хвастается так, будто владеет всей истиной». При этом христианские авторы полагали, что зерна истины эллинская философия заимствовала от Моисея и пророков, которые древнее ее. Существование философии для них – вещь необходимая, поскольку «нет познания, которое не имело бы связи с верой, равно как нет и веры, которая не зависела бы от познания», – подчеркивал Климент Александрийский (см. [14]). Сократ, который первый стал утверждать, что добродетель есть знание, стал фигурой, сближающей древнегреческую философию и христианскую религию.

Святой Иустин Философ писал в контексте общепринятого тогда отношения к философии как учительнице жизни: «Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно с Словом, суть христиане, хотя бы [со стороны язычников] считались за безбожников: таковы между эллинами – Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров – Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие...» [10, с. 76–77]. Сократ назван святым Иустином христианином! Что может быть выше такого имени, если свое христианское призвание Отцы и Учители Церкви ставили выше всего в жизни?

Наиболее полно из христианских авторов первых веков писал о Сократе Климент Александрийский. Сократ для него – великий проповедник справедливости, очаровавший эллинов, «утверждавший, что «человек праведный и человек счастливый – одно и то же». Ради морали он покинул своего учителя натурфилософа Архелая. Сократ всю жизнь боролся с софизмом – общим врагом христианства и философии: «философия есть надежное оружие против софистов», она «устраняет тайные сети, расставляемые истине», – подчеркивал Климент [14, с. 82–83]. Вспоминая сократову майевтику, он называл афинского мудреца помощником в поисках истины. Любопытно, что Климент, из всех христианских авторов, наиболее «снисходителен» к даймониону Сократа: «Для Сократа демон был [положительной] двигательной причиной его деятельности, прямо одобряя известные его действия, а не только не воспрещая того или другого; он прямо побуждал его к известного рода деятельности, а не то чтобы всего лишь отговаривал от нее» [14, с. 73; ср. 12, с. 5].

В пику Клименту Киприан Карфагенский подчеркивал: «Есть нечистые блудящие духи, которые погрязли в мирских пороках и, чрез пристрастие к земному отделившись от силы небесной, не перестают – сами погибшие – губить, сами развратные – распространять разврат. Поэты знают их под именем демонов, и Сократ рассказывал, что он от демона получает наставления и управляется его произволом» [14, с. 275]. «Сам Сократ ожидал мнения демона, – вторит Киприану современник Тертуллиан, – Как было ему не ожидать его? Говорят, что он с детства находился в нем, отклоняя его, конечно, от добра» [18, с. 254]. «Платон молится в “Тимее” чтобы не сказать ничего не угодного богам, а разве угодная демонам философия может быть Божией или от Бога данной? У Сократа был демон, который конечно уж посвятил его в свои тайны; видно, он же и свидетельствовал, что Сократ превосходит всех мудростью», – как бы подытоживает отрицательное мнение по поводу даймониона Сократа на закате византизма святитель Григорий Палама (см. [4]).

Следует подчеркнуть, что феномен мировой религии невозможен без феномена религиозной философии. Иустин Философ и Климент Александрийский первые стали сближать древнегреческую философию с христианской верой, искать пути их синтеза. И провозглашение Иустином Сократа христианином было отправной точкой этого синтеза.

Сократ Иустина Философа и Климента Александрийского – это христианизированный Сократ. На деле, конечно, исторический Сократ был более сложной фигурой, в которой «чувствуется что-то очень не простое, очень извилистое» [13, с. 51].

Во-первых, он не отрицал отеческих богов, приносил им жертвы. «Жертвы он приносил часто как дома, так и на общих государственных алтарях: это все видели, – свидетельствует Ксенофонт, – к гаданиям прибегал: это тоже ни для кого не было тайной. По всему городу ходили слухи о рассказах Сократа, что божественный голос дает ему указания: это-то, мне кажется, и послужило главным основанием для обвинения его в том, что он вводит новые божества» [12, с. 5]. Как же можно объяснить поклонение отеческим богам с обращением к одному и тому же Богу (в «Апологии»)? Полагаем, что, как и в случае с Платоном, Аристотелем, Плотиним, Бог здесь Единое, Ум, Отец и творец всяческих, а боги – это отдельные эйдосы, его самотождественно различные «умные изваяния», эманации. Сократ применяет диалектическое соотношение, которым потом воспользуются другие философы.

Во-вторых, Сократ полон иронии и притворного лукавства. Как правило, он не дает простого прямого ответа на вопрос, как это делал сам Иисус Христос, но верит, что при помощи его майевтического метода в душе собеседника может родиться истина.

В-третьих, Ксенофонт подчеркивает, что от любви к красавцам Сократ советовал тщательно воздерживаться [12, с. 24; ср. 14, с. 174], но всем памятен эпизод из «Пира», о котором рассказывает Алкивиад [17, с. 130]. Христиане же просто «бегали блуда»! По словам Аристотеля, Сократ женат был дважды: «первый раз на Ксантиппе, от которой у него был сын Лампрокл, и во второй раз на Мирто, дочери Аристида Справедливого, которую он взял без приданого и имел от нее сыновей Софрониска и Менексена. Другие говорят, что Мирто была его первой женой, а некоторые (в том числе Сатир и Иероним Родосский) – что он был женат на обеих сразу; по их словам, афиняне, желая возместить убыль населения, постановили, чтобы каждый гражданин мог жениться на одной женщине, а иметь детей также и от другой, так поступил и Сократ» [5, с. 100; ср. 18, с. 278]. Таким образом, у него было более сложное отношение к плотской любви, чем у первых христиан.

В-четвертых, Алкивиад в «Пире» подметил, что «до выпивки Сократ не был охотник, но уж когда его принуждали пить, оставлял всех позади, и, что самое удивительное, никто никогда не видел Сократа пьяным!» [17, с. 130–131]. Такой «псевдолибертинизм» был чужд первым христианам.

Таким образом, личность Сократа явно выходит за те рамки, которые определили ей Иустин Философ и Климент Александрийский. Это и породило две другие точки зрения, которые мы обозначили в начале статьи.

Примером «золотой середины» в отношении к античному наследию, и личности Сократа в частности, является позиция великих каппадокийцев, манифестом которой можно назвать знаменитую беседу «К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями» Василия Великого. «Не должно, однажды навсегда предав сим мужам кормило корабля, следовать за ними (язычниками), куда ни поведут, – наставляет святитель молодых слушателей, – но заимствуя у них все, что есть полезного, надобно уметь иное и отбросить». Если между христианским и языческими учениями есть «какое-либо взаимное сродство, то познание их будет нам кстати, – полагает святой Василий. – Если же нет сего сродства, то изучать разность учений, сличая их между собою, немало служит к подтверждению лучшего учения» [1, с. 374]. Из этого руководства вытекает, в частности, и более сдержанное отношение каппадокийцев к Сократу, его учению, чем у Климента Александрийского и Иустина Философа. Так, Григорий Богослов, с одной стороны, с похвалой отзываясь о Сократе, который «зимой целую ночь стоял, погружившись в созерцание», и в «исступлении не чувствовал холода», но, с другой стороны, замечает, что христианские подвижники подобным образом подвизаются всю жизнь [2, с. 111].

Восхищаясь Сократовой нестяжательностью, святой Григорий здесь же восклицает: «Но как гнусно многое у язычников! Например, покров из плащей, под которыми сей доблестный муж (подлинно, это божественно!) беседовал с юношами; потому, что одни красивые даровиты! Никто не добывая добродетели через плотскую любовь – да погибнут такие рассуждения!» – заключает он [2, с. 221]. Ученик Сократа Платон порицается каппадокийцами за то, что из-за чревоугодия он оказался в гостях у Дионисия. Но они же его хвалят за то, что болезненность, телесную немощь философ признает полезной для обуздания страстей [1, с. 361–362; 3, с. 601; ср. 18, с. 288].

Таким образом, в отношении к личности Сократа, его учению, как и античному наследию в целом, каппадокийцы заняли как бы «равновесную середину». По сути, такова же позиция Августина Блаженного, вслед за Климентом Александрийским и Ипполитом Римским считавшего Сократа первым крупным представителем нравственной философии среди греков.

Третью, почти однозначно отрицательную точку зрения на Сократа и всю древнегреческую философию высказывает Иоанн Златоуст. Здесь он – противоположность Иустину и Клименту. Вероятно, на Златоуста повлияло то обстоятельство, что он был ритором, а не философом по призванию, получившим светское образование в Антиохии, а не в Афинах, как Василий Великий и Григорий Богослов. Златоуст подчеркивает, что среди всего «брёда философов» учения Пифагора и Платона были лучше других. Однако и эти главные, к стыду своему, оказались во всем смешнее детей. Их учение о душе было самое постыдное. Они говорили, что души человеческие делаются мухами, комарами, деревьями. «Подлинно душа Платонова – муха; не в муху превратилась, но муха вошла в душу, обитавшую в Платоне», – негодует Златоуст. Платон «поверг душу в какое-то опьянение и грязь». В учении о гражданском обществе он «предписал гнуснейшие правила. Пусть, говорит он, жены будут общие, пусть обнаженные девицы борются на глазах любовников, пусть будут общими и отцы, и рождающиеся дети. Не выше ли это всякого безумия?» – риторически вопрошая, заканчивает святитель инвективу, которая является своего рода клише его проповедей [8, с. 49]. Сократ, по мысли Златоуста, был привержен тем же идолам, что и ученик, «так как он, именно, приказал принести петуха в жертву Эскулапу» [9, с. 513]. При этом Сократ – единственный из философов, названный Златоустом в дошедших до нас текстах великим! «Великий Сократ, превосходивший всех их своей философией, потому и выпил яд, что был подозреваем в некоторых нововведениях касательно богов» (см. [6]).

Таким образом, Сократ для Златоуста прежде всего идолопоклонник, пустобредящий философ. Здесь нет углубленного анализа проблемы, как у Климента Александрийского или Иустина Философа, например; здесь все почти одно сплошное обвинение в адрес языческой философии. Мы бы назвали такую точку зрения аисторической: можно ли требовать от человека, выросшего в языческой традиции, быть монотеистом? Однако определенная доля аисторизма в отношении к Сократу есть и в высказываниях Иустина Философа, и у Климента Александрийского. Эти две противоположные позиции доказывают одно: Сократ был такой личностью, которая никого не могла оставить равнодушной! Сократ – эта, «может быть, самая волнующая, самая беспокойная проблема из всей истории, античной философии» [13, с. 82] оказалась весьма актуальной для христианских авторов II–V веков н. э.

Литература

1. Василий Великий. Творения: в 5 т. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – Т. 4. – 407 с.
2. Григорий Богослов. Собр. творений: в 2 т. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – Т. 1. – 832 с.
3. Григорий Богослов. Собр. творений: в 2 т. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – Т. 2. – 688 с.
4. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. – М.: Канон, 1995. – 344 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль. – 571 с.
6. Иоанн Златоуст. Полн. собр. творений: в 12 т. – М.: Православ. кн., 1991. – Т. 10, кн. 1. – 398 с.
7. Иоанн Златоуст. Избр. творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993. – Кн. 1. – 483 с.
8. Иоанн Златоуст. Избр. творения. Беседы на деяния Апостольские. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1994. – 485 с.

9. Иоанн Златоуст. Избр. творения. Беседы на Послания к римлянам. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1994. – 863 с.
10. Иустин Философ и мученик. Творения. – Б. м.: Паломник: Благовест, 1995. – 486 с.
11. Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется / пер. с древнегреч., вст. ст., коммент. и указатель А. Ю. Братухина. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. – 288 с.
12. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Наука, 1993. – 379 с.
13. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Искусство, 1969. – 716 с.
14. Отцы и учителя церкви III века. Антология: в 2 т. / сост. Иеромонах Иларион (Алфеев). – Б. м.: Либрис, 1996. – Т. 1. – 379 с.
15. Отцы и учителя церкви III века. Антология: в 2 т. / сост. Иеромонах Иларион (Алфеев). – Б. м.: Либрис, 1996. – Т. 2. – 464 с.
16. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva и др. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.
17. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva и др. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 528 с.
18. Тертуллиан. Апология. – М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004. – 423 с.

Literatura

1. Vasilij Velikij. Tvorenija: v 5 t. – М.: Tipografija Avgusta Semena, 1846. – Т. 4. – 407 s.
2. Grigorij Bogoslov. Sobr. tvorenij: v 2 t. – Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. – Т. 1. – 832 s.
3. Grigorij Bogoslov. Sobr. tvorenij: v 2 t. – Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. – Т. 2. – 688 s.
4. Grigorij Palama. Triady v zashchitu svjashchennobezmolstvujushchih. – М.: Kanon, 1995. – 344 s.
5. Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filozofov. – М.: Mysl'. – 571 s.
6. Ioann Zlatoust. Poln. sobr. tvorenij: v 12 t. – М.: Pravoslav. kn., 1991. – Т. 10, kn. 1. – 398 s.
7. Ioann Zlatoust. Izbr. tvorenija. Besedy na Evangelie ot Ioanna Bogoslova. – М.: Izdat. отд. Moskov. patriarhata, 1993. – Kn. 1. – 483 s.
8. Ioann Zlatoust. Izbr. tvorenija. Besedy na dejanija Apostol'skie. – М.: Izdat. отд. Moskov. patriarhata, 1994. – 485 s.
9. Ioann Zlatoust. Izbr. tvorenija. Besedy na Poslanija k rimljanam. – М.: Izdat. отд. Moskov. patriarhata, 1994. – 863 s.
10. Iustin Filosof i muchenik. Tvorenija. – В. м.: Palomnik: Blagovest, 1995. – 486 s.
11. Kliment Aleksandrijskij. Uveshchevanie k jazychnikam. Kto iz bogatyh spasetsja / per. s drevnegrech., vst. st., komment. i ukazatel' A. Ju. Bratuhina. – SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2006. – 288 s.
12. Ksenofont. Vospominanija o Sokrate. – М.: Nauka, 1993. – 379 s.
13. Losev A. F. Istorija antichnoj estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon. – М.: Iskusstvo, 1969. – 716 s.
14. Otcy i uchiteli cerkvi III veka. Antologija: v 2 t. / sost. Ieromonah Ilarion (Alfeev). – В. м.: Libris, 1996. – Т. 1. – 379 s.
15. Otcy i uchiteli cerkvi III veka. Antologija: v 2 t. / sost. Ieromonah Ilarion (Alfeev). – В. м.: Libris, 1996. – Т. 2. – 464 s.
16. Platon. Sobr. soch.: v 4 t. / obshch. red. A. F. Loseva i dr. – М.: Mysl', 1990. – Т. 1. – 860 s.
17. Platon. Sobr. soch.: v 4 t. / obshch. red. A. F. Loseva i dr. – М.: Mysl', 1990. – Т. 2. – 528 s.
18. Tertullian. Apologija. – М.: АСТ; SPb.: Severo-Zapad Press, 2004. – 423 s.